

СОЦИОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ

ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ ЧЕРЕЗ СОВМЕСТНЫЙ ДОСУГ (на примере московского ночного клуба «Mutabor»)

Воробьева Мария Дмитриевна (mvorobeva@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Воробьева М.Д. (2020) Практики формирования доверия через совместный досуг (на примере московского ночного клуба «Mutabor»). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(5): 103–134.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.4>

Аннотация. Россия характеризуется низким уровнем доверия. Одним из источников доверия выступает совместный досуг. В современном мире существует многообразие форм досуга, в их числе ночной досуг, места отдыха, работающие после полуночи. Несмотря на то что такие места часто ассоциируются с девиантным поведением, во многих европейских городах происходит институционализация этой сферы. В то же время в российской столице ночные клубы продолжают закрываться. Следуя волне внимания к ночной жизни, автор рассматривает процесс формирования доверия в популярном московском ночном клубе «Mutabor». Многообразие видов доверия порождает дискуссию о том, какое доверие формируется при совместном досуге. Исследователь работает с тремя видами доверия: межличностным, внутригрупповым и обобщенным, стремясь понять, какое из них способно формироваться при совместном досуге в ночном клубе. При этом феномен доверия представляется в высокой степени сложным к эмпирическому изучению: существует спектр проблем, затрудняющих задачу исследователя. Настоящая работа использует методiku непрямого изучения доверия, которую предлагают для решения возникающих при изучении доверия проблем. На основе 14 полуструктурированных интервью с посетителями клуба «Mutabor» описываются практики формирования доверия при совместном досуге. Различные практики, возникающие при совместном досуге, способны одновременно создавать несколько видов доверия. Практики непосредственного взаимодействия лицом к лицу могут порождать межличностное доверие между посетителями клуба. В свою очередь, практики общения и поведения посетителей клуба, создающие чувство общности формируют внутригрупповое доверие, решая проблему коллективного действия в границах клуба. Выявленные проявления доверия незнакомцам направлены на аудиторию клуба и не выходят за его пределы. Обобщенное доверие не находит отражения в практиках формирования доверия через совместный досуг в ночном клубе.

Ключевые слова: межличностное доверие, внутригрупповое доверие, обобщенное доверие, коллективное действие, непрямого изучения доверия, ночная жизнь, досуг.

Введение

Современная Россия характеризуется низким уровнем обобщенного доверия (Кученкова 2016). При этом доверие представляется исключительно важным фактором общественно-экономического благосостояния. Существует множество исследований, доказывающих связь между обобщенным доверием и экономическим развитием страны (Knack, Keefer 1997; Kumlin, Rothstein 2005; Guiso et al. 2006; Tarabar 2019). Одним из источников доверия признается совместный досуг и совместная деятельность, сопровождающая этот досуг (Verba, Nie 1972; Putnam et al. 2000; Stolle, Rochon 2001; Baggetta 2009).

В развитых странах существует многообразие культурно-досуговых институций, которые служат потенциальными очагами возникновения доверительных норм у населения. Одними из них выступают организации ночного досуга: клубы, бары и другие места отдыха, работающие после полуночи. Несмотря на то что часто подобные места ассоциируются с практиками девиантного поведения, во многих европейских городах происходит институционализация ночного досуга в связи с осознанием его функциональной роли (Seijas, Gelders 2020). Создание ночных мэрий, регулирующих эту сферу досуга через диалог между властями и жителями города, выступает одной из иллюстраций такого процесса (Henley 2016). Ночная жизнь участвует в расширении социальных контактов отдельного индивида и увеличении плотности социальных связей общества. Элла Оверклеффт, заместитель ночного мэра Амстердама, иллюстрируя этот феномен, задает вопрос: «Скажите, сколько из вас познакомились со своим партнером или друзьями на вечеринке, концерте или в клубе? А сколько из вас сделали то же самое в магазине или банковском отделении?» (Акишин 2016).

В то же самое время в российской столице популярные ночные клубы продолжают закрываться, например клубы «НИИ» (Андреева 2016), «Рабица» (Левченко 2017), «Pluton» (Яблонский 2019), «Симачев» (Миронов 2019). Ночные клубы при этом изменяются, возникают новые модели подобных учреждений как организаций, несущих дополнительную социальную миссию и объединяющих людей по интересам в сфере искусства. Некоторые современные ночные клубы проводят в своих стенах мероприятия для сбора средств в поддержку общественных организаций, практикуют раздельный сбор мусора, устраивают семейные мероприятия и театральные выступления*. Один из таких клубов — крупнейший на данный

* Данные из панельной дискуссии «Выход за территорию ночи: как трансформируется музыкальная индустрия сегодня?», прошедшей в рамках международного

момент по площади и охвату аудитории московский ночной клуб «Mutabor». В статье этот клуб используется в качестве примера для рассмотрения процесса формирования доверия через совместный ночной досуг. Интерес настоящего исследования лежит в том числе в рассмотрении социальной функции современных ночных клубов как нового типа досуговой организации.

Однако одной из проблем изучения доверия выступает его многогранность. Доверие — это сложный социальный феномен, проявляющийся на многих уровнях социальных отношений. В предыдущих исследованиях конвенционально выделялись следующие виды доверия: межличностное и обобщенное (Fukuyama 1995; Uslaner 2002; Patulny 2004, Bjørnskov 2006), а также доверие, основывающееся на идентичности и принадлежности к общей социальной группе (Delhey et al. 2011; Freitag, Bauer 2013; van Hoorn 2014). Разница между межличностным и обобщенным доверием заключается в том, что межличностное доверие проявляется по отношению к тем, кого индивид знает, а обобщенное доверие распространяется на всех людей в целом вне зависимости от степени знакомства (Patulny 2004). Обобщенное доверие основывается на разделяемых в обществе социальных нормах и ценностях, а межличностное доверие — на опыте взаимодействия с человеком (Bjørnskov 2006). Кроме различий в предпосылках формирования, эти два вида доверия выполняют разные функции. Межличностное доверие способствует установлению личных связей, в то время как обобщенное доверие признается механизмом поддержания социального порядка и способствует решению проблемы коллективного действия (Uslaner 2018; Остром 2019). Доверие, основывающееся на общей идентичности, понимается через внутригрупповое и внегрупповое доверие (Delhey et al. 2011). Человек склонен доверять предшественникам тех социальных групп, к которым принадлежит сам.

В то же время многие исследования, изучающие факторы и источники возникновения доверия, зачастую упускают из внимания принципиальные различия его видов, используя общий концепт (Patulny, Svendsen 2007). С учетом существования различий в источниках и функциях видов доверия возникает вопрос: какое именно доверие способно формироваться в процессе совместной досуговой деятельности? Этот вопрос до сих пор порождает дискуссию в научном сообществе, поскольку приводит к противоречащим результатам разных исследователей. Так, Ньютон и его коллеги, рассматривая обобщенное доверие, говорят о слабой связи

форума креативных индустрий «ART-WERK — 2019», Москва, 22–23 ноября 2019 г.

между доверием и участием в коллективной деятельности (Newton et al. 2018), в то время как другие исследователи приходят к выводу, что социальные нормы внутри организации продуцируют обобщенное доверие (Paxton 2007; Paxton, Ressler 2018), а третьи заключают, что организации совместной деятельности склонны формировать скорее межличностное, нежели обобщенное, доверие (Zmerli, Newton 2007).

Включаясь в эту дискуссию, мы ставим к рассмотрению вопрос: практики формирования каких видов доверия через совместный досуг существуют в ночном клубе Mutabor? Цель исследования заключается выявлении этих практик.

Вначале будет дана концептуализация феномена доверия и его видов. Затем будут рассмотрены теоретические предпосылки формирования доверия в процессе совместного досуга. Третий раздел посвящен методологии проведенного исследования. Четвертый раздел раскрывает результаты работы, описывая выявленные практики формирования видов доверия, а также их роль в сообществе посетителей ночного клуба «Mutabor». Ограничения исследования представлены в пятом разделе. В завершении работы обобщаются выводы и определяются пути дальнейшего развития темы.

Доверие: источники, функции и виды

Без доверия невозможно общество (Simmel 1910; Luhmann 2012). Это одна из причин, из-за которой о доверии так много пишут, говорят и спорят. У Зиммеля доверие — это иррациональная вера в другого человека, основанная на неполных знаниях о ней или о нем (Simmel 1950; 2004). Луман также связывает доверие с неполнотой информации — фундаментальной чертой мира (Morgner 2018: 234). Доверие уменьшает сложность взаимодействия за счет определения будущего при недостатке знания о нем, оно закрывает промежуток между тем, что человек знает о мире, и тем, что она или он не может знать (Luhmann 2018: 23). Штомпка уточняет, что эта неопределенность возникает из-за невозможности управлять действиями других людей (Sztompka 2003: 20). Человек может управлять только своими действиями, решаясь довериться, она или он принимает решение относительно своего поведения, берет на себя риск несоответствия ожиданий и действий другого. Решая проблему возможности взаимодействия людей друг с другом на индивидуальном уровне, доверие способствует кооперации и на уровне групп и сообществ (Putnam 1995: 66). Являясь составляющей социального капитала наряду с нормами реципрокности и социальными сетями (Coleman 1988; Putnam et al. 1994), доверие представляется необходимым условием создания социального

порядка. Оно делает возможным поддержание социальных норм и решение проблемы коллективного действия за счет внутренних ресурсов группы (Simpson, Willer 2015; Остром 2019). Возвращаясь к Зиммелю, мы еще раз заключаем, что «без общего доверия, которое люди испытывают друг к другу, общество бы распалось» (Simmel 2004: 177).

Очевидно, что доверие нельзя определить просто. Оно функционально накладывается и смешивается со множеством других феноменов: уверенностью, верой, риском, кооперацией, социальным капиталом (Möllering 2001: 403). Доверие проявляется как на уровне персонального взаимодействия и личного решения, так и на структурном уровне группового поведения. Сложность феномена порождает то, что, изучая доверие, исследователи не имеют возможности охватить все его проявления, функции и виды (Patulny, Svendsen 2007; Бегельсдейк, Маселанд 2016; Gelderblom 2018). В статье рассматриваются три конвенционально выделяемых вида доверия: межличностное, обобщенное, внутригрупповое/внегрупповое доверие (Fukuyama 1995; Uslaner 2002; Patulny 2004; Bjørnskov 2006; Delhey et al. 2011; Freitag, Bauer 2013; van Hoorn 2014).

Межличностное доверие относится к доверию ближнему кругу и возникает в процессе непосредственного взаимодействия лицом к лицу (Bjørnskov 2006:2). Этот вид доверия проявляется по отношению к тем людям, с которыми индивид знаком и имеет общий опыт взаимодействия (Patulny 2004). Функционируя на уровне личных контактов, межличностное доверие сосредоточивает информацию и ресурсы в тесных кругах самых близких социальных связей (Бэнфилд 2019). Опыт личного взаимодействия создает доверие только по отношению к тем людям, которых индивид знает, т.е. межличностное доверие, и это доверие не трансформируется в доверие к незнакомцам — в обобщенное доверие (Patulny 2004: 5).

Обобщенное доверие доверие определяют через наличие веры в незнакомцев (Uslaner 2002: 8–9). Оно проявляется по отношению ко всем людям в целом и основывается на разделяемых в обществе социальных ценностях и нормах (Bjørnskov 2006: 2). Этот вид доверия измеряют с помощью вопроса: «Вы бы сказали, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожным в общении с людьми?» («Generally speaking, would you say that *most people* can be trusted or that you need to be very careful when dealing with people?») (Inglehart et al. 1998; Tabellini 2010; Voigt 2018). Обобщенное доверие, таким образом, не основывается на разделении знаком/не знаком, а распространяется на всех людей или большинство, способствуя кооперации между акторами, которые слабо знают друг друга.

Внутригрупповое/внегрупповое доверие или доверие, основывающиеся на общей идентичности. Разделение на доверие знакомым и незнакомым людям неспособно охватить все градации доверия (Delhey et al. 2011; van Hoorn 2014). Существует деление на внутригрупповое (in-group) и внегрупповое (out-group) доверие, такое деление также называют доверием, основывающимся на идентичности. Внутригрупповое доверие может быть описано как доверие незнакомцам в рамках знакомой группы и разделении с этой группой общей идентичности (Freitag, Bauer 2013: 26). Человек доверяет другому на основании чувства принадлежности к общей группе. Такой группой могут выступать соседи по району, представители одной религии или национальности. Внегрупповое доверие соответственно описывается как доверие представителям тех социальных групп, к которым индивид не принадлежит (Gundelach 2014: 126). Как внутригрупповое, так внегрупповое доверие может проявляться по отношению к незнакомцам, а значит, пересекаться с обобщенным доверием. Однако в случае обобщенного доверия мы не имеем никакой информации относительно другого человека, доверяя всем в целом, в случае внутригруппового/внегруппового доверия мы знаем о принадлежности или непринадлежности другого к социальной группе (Glanville, Shi 2020).

Описание различных видов доверия помогает проследить и различия в источниках их формирования. Совместный досуг признается одним из таких источников (Verba, Nie 1972; Putnam et al. 2000; Stolle, Rochon 2001; Baggetta 2009). Совместный досуг обладает потенциалом для формирования как межличностного доверия через включение индивидов в личное взаимодействие и обобщенного доверия через обучение социальным нормам, так и доверия, основывающегося на разделяемой идентичности через создание сообщества посетителей клуба.

Доверие и практики совместного досуга

Совместный досуг и совместная деятельность порождают множество практик, которые способны формировать доверие. Нередко в исследованиях, посвященных возникновению доверия, не разделяются его виды (Patulny, Svendsen 2007), поэтому в этой работе на этапе описания предыдущих исследований границы между видами доверия не проводятся и используется единое понятие доверия.

Патнэм говорит о том, что вовлечение в совместную деятельность, совместная работа с целью достижения общей цели выступают предпосылками для возникновения доверия (Putnam 1995: 69). В аспекте досуга важна именно его совместность, коллективное действие и прямое взаимо-

действие людей. Обращаясь к личному опыту как источнику межличностного доверия, мы будем предполагать, что

П.І. Взаимодействие в процессе достижения общей цели ведет к возникновению межличностного доверия.

Во многих досуговых организациях существуют свои неформальные нормы и правила поведения. Передача общего знания и разделение его между участниками сформированной группы становятся основой для возникновения доверительных отношений (Nguyen et al. 2018). Доверительные нормы в рамках сообщества могут быть коллективным благом: чем больше людей доверяет другим людям внутри группы, тем выше общий уровень доверия и тем легче каждому отдельному, в том числе новому, участнику доверять другим. Кроме этого, досуговые ассоциации привлекают людей со схожими целями и ценностями, которые способствуют взаимному уважению и доверию (Vermeulen et al. 2012: 341). Такое доверие может быть описано через формирование общей идентичности и чувства схожести, мы выносим предположение о том, что

П.ІІ. Общность знаний, ценностей и интересов участников совместного досуга выступают источником внутригруппового доверия, основываясь на разделяемой идентичности.

При этом совместный досуг объединяет людей разного социального происхождения с различными социально-демографическими характеристиками. Разнородное сообщество людей, объединяясь для совместного досуга, становится более однородным, такой опыт способствует пониманию между различными социальными группами и учит доверять друг другу (Newton et al. 2017: 44). Тесное и локализованное взаимодействие в рамках досуговой организации делает возможным обнаружение тех, кому можно доверять, понимание последствий своих действий и действий других, а также самоорганизацию (Остром 2019). Согласно (Масу, Skvoretz 1998), в локальном взаимодействии формируются нормы доверия незнакомцам.

П.ІІІ. Локализованное взаимодействие при совместном досуге в ночном клубе способствует формированию обобщенного и внутригруппового доверия.

В работе рассматривается организация ночного досуга, в частности ночной клуб.

Ночь занимает практически треть суток, а современные тенденции глобализации в целом стирают границы между днем и ночью. Тем не менее эта часть жизни человека и общества традиционно исключается из академического дискурса, поскольку зачастую связывается с маргинальными практиками и дисфункциональными социальными послед-

ствиями (van Liempt 2015). Такое восприятие ночной жизни существует не только в научной среде, но и в представлениях простых людей и власти, из-за чего ночная жизнь часто подвергается жесткому регулированию и давлению (Seijas, Gelders 2020). Интерес к ночной жизни, появление за последние 20 лет ночных мэрий, призванных заниматься регулированием и развитием ночного досуга, в более чем 40 городах возвращают ночь в общественный, политический и научный дискурс. Настоящая работа следует волне актуализации изучения ночной жизни и рассматривает вопрос формирования доверия в процессе досуга в ночном клубе. Помимо уже описанных предпосылок формирования доверия, необходимо упомянуть о еще одном факторе возникновения доверия, специфичным для ночного досуга. Употребление алкоголя и связанные с этим процессом практики поведения могут выступать источником возникновения доверия. В работе (MacLean 2016) описывается практика помощи незнакомым людям в состоянии алкогольного опьянения как норма реципрокного поведения при совместном досуге, включающем употребление алкоголя. Мы будем предполагать, что:

П.И. Во время заботы о людях в состоянии сильной алкогольной интоксикации формируется доверие незнакомцам, которое может проявляться в виде обобщенного доверия или доверия, основанного на общей идентичности.

Методология исследования

Доверие представляется сложным к эмпирическому изучению феноменом. Существуют трудности в отделении доверия от других феноменов, например таких, как риск (Houser et al. 2010) и надежность (Simpson, Willer 2015). Другой проблемой изучения доверия выступает определение радиуса доверительного поведения: при ответе на вопрос, насколько можно доверять большинству людей, человек ориентируется на круг своих непосредственных знакомых (Delhey et al. 2010). Кроме этого, доверие существует в виде неявных норм, особенно трудных для изучения извне, эти нормы настолько привычны для носителей, что они становятся трудно выделяемыми и отделяемыми от сложившегося порядка (Ostrom 1996).

Для решения существующих проблем взамен прямому изучению доверия через вопросы, дающие индивиду возможность самому определить уровень своего доверия, рекомендуется не прямое измерение, которое ищет проявления доверия в действиях и реакциях индивида (Bauer, Freitag 2018). Исследователи предлагают привязывать изучение доверия к конкретной ситуации, которая определяет референта доверительного поведения — решение проблемы радиуса, и контекст ситуации — исключение действия

других социальных механизмов. В работе эти элементы интегрируются в метод полужормализованного интервью для непрямого изучения доверия. Интеграция производится через включение кейсов в инструментарий исследования.

Кейсы описывают ситуации (контекст взаимодействия), в которых предлагается совершить определенное действие по отношению к другому или обобщенным другим (референту доверия). Для изучения различных видов доверия в кейсах изменяется референт: в случае изучения межличностного доверия предлагаемое действие направлено на знакомого человека, при изучении внутригруппового/внегруппового доверия — на незнакомого посетителя клуба, при изучении обобщенного доверия — в отношении незнакомца в повседневной жизни.

В каждом из тематических блоков: межличностное доверие, внутригрупповое доверие, обобщенное доверие (поведение в повседневной жизни) — информанту предлагается один кейс на рассмотрение. Кейсы сформулированы на основе предварительных наблюдений за практиками поведения посетителей клуба «Mutabor», что помогает решить проблему труднодоступности внутренних норм для исследователя извне, а также на основе адаптации способов изучения доверия, используемых в предыдущих исследованиях. Например, покупка в долг/подарок — методика gift exchange game (Levitt, List 2007: 155), возврат ценных утерянных вещей (Knack, Keefer 1997), помощь незнакомцу в состоянии алкогольного опьянения (MacLean 2016).

Пилотаж кейсов показал, что используемая методика валидна для изучения доверия. Информанты отмечали, что предложенные им ситуации происходили с ними в реальной жизни. Это говорит о том, что такие ситуации помогают раскрыть спонтанное знание, а не создают искусственных реакций. При этом, отвечая на предложенные кейсы, информанты обосновывали свои решения именно через наличие или отсутствие доверия к человеку/людям, употребляя термины «доверие/недоверие», «кредит доверия», «доверяю/не доверяю». Можно заключить, что используемая методика помогает выявить скрытые доверительные нормы, что решает одну из обозначенных ранее проблем изучения доверия. То, что подобные ситуации действительно происходили с информантами, дает им возможность рефлексировать о собственном опыте. Согласно выводам, сделанным в работе (Glaser et al. 2000), для того чтобы определить уровень доверия индивида, необходимо спросить о конкретных ситуациях проявленного доверительного поведения.

Эмпирической базой исследования послужили материалы 14 полужормализованных интервью, проведенных с посетителями клуба

«Mutabor» в марте-апреле 2020 г. Интервью проводились в формате телефонного разговора. Рекрутинг информантов был выполнен через социальные сети «ВКонтакте», Facebook, Instagram. Круг социальных сетей был сужен до платформ, на которых представлен официальный аккаунт клуба.

«Mutabor» — это пространство, сочетающее в себе площадку для проведения мероприятий и ночной клуб, было открыто в Москве 27 апреля 2019 г. (Рузманова 2019). С момента открытия «Mutabor» приобрел широкую известность. Согласно статистике отметок о посещении мероприятий на Facebook, на еженедельных мероприятиях клуба собирается 800–1000 человек. Выбор данного клуба в качестве примера был произведен по принципу парадигмального случая, т.е. случая, который подчеркивает самые общие характеристики изучаемого сообщества (Flyvbjerg 2006: 232). «Mutabor» как ночной клуб, аккумулирующий широкую аудиторию, представляет наибольший набор общих черт посетителей ночных клубов. При этом «Mutabor» выступает представителем развивающейся клубной культуры.

В основу анализа легли расшифровки интервью, полученные путем простого транскрибирования. Расшифровки анализировались с помощью тематического кодирования. Были выделены три темы на основе категорий. Важным условием формирования темы было условие ее присутствия в каждом интервью. Надежность и правдоподобность исследовательских выводов были подтверждены посредством обращения к информантам. Нескольким из них было предложено ознакомиться с предварительными результатами, ответить на вопросы относительно точности выводов и в случае возникновения несогласия с результатами предложить свои интерпретации и рекомендации по их пересмотру.

Практики формирования доверия через совместный досуг

«Создание отдельного мира»

На территории клуба Mutabor у посетителей возникает чувство нахождения в другом отдельном мире: *...ты находишься просто в каком-то пространстве отдельном, отделенном от Москвы, потому что ты находишься вроде в Москве, но, когда ты там находишься, ты думаешь: «как будто в другом абсолютно месте»* (13Н: 69–72*).

Это чувство обеспечивается несколькими условиями. Пространство клуба заполнено украшениями и декорациями. Они не выставлены как в музее, с ними можно взаимодействовать, т.е. подчинять себе этот мир.

* Обозначения здесь и далее: в начале приведен номер интервью, далее номера строк расшифровок интервью.

Согласно Шюцу, возможность изменять окружающий мир собственными действиями обостряет у индивида чувство его реальности (Шюц 2003). Возможность взаимодействия создает и чувство, что индивид находится дома либо по крайней мере чувствует себя настолько же свободно.

Одно из следствий созданного мира — возможность получения новых впечатлений. Этот феномен одним из информантов был назван «саспенсом», в дальнейшем в работе будет использоваться именно такая трактовка понятия взамен общепринятому пониманию саспенса как чувства нахождения в тревожном состоянии. «Саспенс» в используемом в работе понимании — это действие, акт взаимодействия. Примером может выступать фотографирование с необычной инсталляцией, игра в бильярд, занятие чем-то нетипичным для клуба, например поделками из бумаги. *Саспенс для меня — это точка интереса, где что-то происходит, это какое-то действо. Люди делают совместную фотографию в курилке, потому что, ну, потому что хотят. Люди пробуют суп все вместе...»* (10Н: 127–129). *...еще там был стол, за которым люди что-то раскрашивали, рисовали, писали, делали что-то руками... можно было в любой момент подойти и тоже что-то поделать...* (07Р: 41–43). *Я очень впечатлилась внутренним двором: завод, внутри завода двор и во дворе еще маленькое здание, в котором люди сидят, пьют чай, кушают пирожки; очень много всяких разных аутентичных декораций, и в этот же момент мы вне закона в этой, казалось бы, такой спокойной атмосфере* (05Е: 42–45).

«Саспенс» играет также важную социальную функцию — это повод для начала общения, совместная деятельность. В клубе существует разнообразие мест для отдыха, где посетители могут общаться. Это создает возможности для начала интеракций, которые затем трансформируются в практики формирования доверия и сами являются ими.

Особую роль в этом мире играет музыка. Она выступает основой для образования сообщества. В клубе собирается определенная публика, контингент, который слушает данную музыку. Контингент создает чувство «отдельного мира», уже на другом, социальном, уровне. Клуб, его материальный мир, собирает определенных людей, в клубе собираются определенные люди.

*И**: *А вы говорили, что вы давно уже в этой клубной жизни. А вы можете сказать, чем отличается «Мутабор» от какого-то предыдущего опыта?*

* Обозначения здесь и далее: слова интервьюера — И, слова информанта — первая буква имени.

Е: Всем отличается! Он атмосферой отличается, он людьми отличается. Это в принципе первый клуб в России... который был не за показательные выступления, а за музыку... Из-за этого он в себе сочетает приятных молодых людей, модных, умных и стремящихся что-то познать (03Е: 63–68).

Важным тут выступает концепт «атмосферы». Атмосфера — это термин, описывающий чувство «отдельного мира». Она объединяет в себе музыку, материальное пространство, публику и ту энергетику, которая формируется этими факторами и влияет на настроение людей, находящихся в клубе. *Для меня атмосфера — это то настроение, тот энергетический посыл, который задает помещение, задает здание и заражает людей, и люди заражают друг друга (01А: 48–49).*

Другой материальный и социальный мир изменяют поведение человека. В стенах клуба у людей другие паттерны действий, другой внешний вид и другие социальные контакты. *Когда ты приходишь на вечеринку, у тебя настроение одно. Когда ты на самой вечеринке уже заряжаешься, оно у тебя меняется, естественно. Такое становится... Даже не знаю, неземное какое-то. Ну точно ты как будто бы находишься в своем мире (02А: 68–70).*

На состояние человека в клубе влияет и алкоголь. Он изменяет поведение человека, делая его не таким, как в повседневной жизни — внешнем мире. Внешний вид человека также изменяется. Многие специально стремятся одеться как можно более эксцентрично, чтобы привлечь к себе внимание. Compliment внешнему виду другого посетителя можно считать универсальным способом завязать общение — такой повод начала взаимодействия был отмечен в каждом интервью.

Многие социальные контакты существуют только в этом мире и не поддерживаются за пределами клуба. Люди, которые общаются и часто встречаются друг с другом в клубе, не стремятся поддерживать общение вне его. Таких контактов у одного посетителя может быть множество. ... *большинство людей, которые приходят туда, для них это какая-то новая территория существования... они одеваются по-другому, ведут себя по-другому, у них есть люди, с которыми они общаются только там, и когда ты уходишь снова в реальную жизнь, у тебя есть другие контакты и другие связи... это какая-то связь из другого мира (04Е: 156–163).*

Обособленность от внешнего мира создает чувство ответственности у посетителей: этот мир принадлежит им, и они ответственны за поддержание порядка. Поддержание порядка в клубе становится общим делом. Участие в нем основывается на разделении общего места и ценностей. *Это и есть, мне кажется, хорошее отношение к людям, во-первых. Второе,*

конечно, это уважение к месту. Третье — это уважение к той атмосфере, в которой ты оказался. И это такой некий договор между всеми. Если ты это любишь место, ты не можешь там себя вести так, как будто оно не твое (03E: 253–257). Слово «договор» отсылает к доверию как механизму поддержания коллективного действия. Это соотносится с выводами, сделанными в работах (Масу, Skvoretz 1998; Остром 2019), и с выдвинутым предположением о том, что локализованное взаимодействие при совместном досуге в ночном клубе способствует формированию доверия незнакомцам (П.ИИ). Однако возникает вопрос о границах распространения этого доверительного поведения. Сформированные условия существуют только на территории клуба. Это отдельный мир со своими нормами и правилами, которые поддерживаются самостоятельно посетителями, поэтому можно заключить, что такое доверительное поведение представляется в форме внутригруппового доверия, основанного на разделяемой идентичности посетителей клуба.

Норма активного общения

Активное общение в клубе является нормой, оно обладает спонтанностью и повсеместностью, которые закрепляют и распространяют его.

Спонтанность означает, что общение возникает непреднамеренно, зачастую у посетителя клуба нет цели завязать с кем-то беседу. Это общение встроено в привычное обыденное поведение в клубе. *Я знаколюсь на каждой вечеринке с огромным количеством людей. Это происходит всегда спонтанно, неожиданно, непонятно... Мне даже нравится такое ощущение, когда ты в клубе и у тебя ощущение, что со всеми можно пообщаться, что ты можешь любому сказать, что у него классный прикид, что он классно двигается, что «Пойдем покурим, чувак!», берешь какого-нибудь любого человека и спокойно уводишь его с собой (02A: 182–187).* Такое общения не осознается. Многие информанты не могли сказать, как они начинают общение, однако в их описаниях типичных действий во время вечеринки упоминались моменты общения с другими людьми.

Все это подчеркивает распространенность и общепризнанность такого поведения, а значит, наделяет активное общение на территории клуба чертами социальной нормы. Латентность выявленной нормы, проявляющаяся в том, что информанты не могут ее эксплицировать, говорит о неформальном характере этой нормы (Ostrom 1996).

И: А что тебя заставило начать знакомиться с другими людьми?

А: Как бы... Это нормально, наверное! Просто нормально. Мне кажется, это ненормально, когда ты приходишь, когда вокруг тебя тысяча человек в хорошем настроении, и ты ни с кем не пообщался, не поделился

и не узнал ничего нового. Мне кажется, это неправильно. То есть, это какое-то отклонение (09А: 239–243).

Общность целей, ценностей и интересов

Клуб собирает определенный контингент людей, которые разделяют общие цели, ценности и интересы. То, что люди оказались в одном месте, сигнализирует им о том, что они похожи. *Просто многим людям банально интересно узнать других людей, которые ходят в «Мутабор»* (01А: 200–201). *Ты уже располагаешь к нему (человеку) относительно контекста, потому что априори понимаешь, что здесь собираются определенные люди. Просто интуитивно изначально располагаешься к людям* (12А: 134–136). Общность целей, ценностей и интересов говорит о том, что в рамках клуба существует один из ключевых механизмов возникновения доверия в процессе совместного досуга (Putnam 2000; Vermeulen et al. 2012; Nguyen et al. 2018). Контекст общности интересов способствует доверию в отношении незнакомых посетителей клуба. Это отражает предположение исследования об общности знаний, ценностей и интересов участников совместного досуга как источнике внутригруппового доверия, основанного на разделяемой идентичности (П.П).

Главным объединяющим интересом выступает музыка. Интерес к музыке превращает ночной клуб «Mutabor» в «книжный клуб», место, где собираются люди со схожими интересами, чтобы обсудить эти интересы. *Одна идея, объединяющая — это музыка. Это именно культура, творчество, музыка, что очень приятно. Другие ценности. Другие разговоры* (03Е: 73–74). *Чем больше человек погружается в музыку, тем больше он в ней изошрен, тем скорее он встретит более воспитанного человека, который пришел за музыкой не для того, чтобы упороться или выпустить пар, а для того, чтобы обогатиться, услышать что-то новое или вспомнить что-то старое. Другой фокус влияет на взаимоотношения* (06Е: 275–278).

Косвенное знакомство и «свои люди»

У посетителей клуба есть ощущение, что они опосредованно знают друг друга. Существует плотная сеть социальных связей между посетителями. В клубе эти связи обостряются тем, что при норме активного общения люди постоянно знакомятся друг с другом. Косвенное знакомство обуславливается и повторяемостью интеракций. Люди, которые часто встречаются на других мероприятиях, как в клубе «Mutabor», так и вне его, начинают считать друг друга приятелями, хотя могут даже не знать имен друг друга. *Есть люди, которые регулярно ходят на те или иные мероприятия... Вот это можно сказать ты с ними не знаком лично,*

но за счет того, что ты постоянно с ними тусишь, они становятся сразу знакомы уже как-то неформально вроде и знакомы... «о, привет!» там банальное приветствие (01А: 84–87).

Крайней степенью косвенного знакомства выступает то, что в клубе «Mutabor» всегда можно встретить своих друзей (05Е: 93). ...когда туда [в «Mutabor»] прихожу, я вижу там знакомых из совершенно разных жизней, из института, каких-то работ (06Е: 91–92).

Создается чувство нахождения «среди своих». То есть абсолютно в своей атмосфере себя чувствуешь, абсолютно среди своих людей себя чувствую (12А: 46–47). Информанты причисляют и отождествляют себя с другими посетителями клуба. Это проявляется в интервью как напрямую, так и через речевые обороты «так же, как и я», «как и я». Возникает культура единения, родства и единства: ...и вот это ощущение безусловной, безграничной любви между людьми, которых ты не знаешь (03Е: 191–193). ...если ты приходишь на вечеринку в «Мутабор» и ты сам находишься на этой вечеринке, то ты сам понимаешь, испытываешь вот такое какое-то около родство» (14Г: 171–173). Посетители клуба чувствуют связь друг с другом и общность. Клуб стирает границы между людьми, уравнивая их. «И они [люди] очень доброжелательные, дружелюбные, совершенно без агрессии, совершенно без эго, без пафоса. Вообще отсутствие эго в этом месте — это, наверное, основное (03Е: 118–120). Подобные высказывания иллюстрируют, как формируется и сплавивается группа, которая может быть названа «посетители ночного клуба “Mutabor”». Описанные практики также иллюстрируют и проявления доверительного поведения внутри этой группы, что говорит о наличии внутригруппового доверия как доверия, основанного на чувстве принадлежности к одной группе/идентичности.

Виды доверия, возникающие при совместном досуге в ночном клубе

Выше были описаны практики и феномены, которые служат почвой для возникновения доверия у посетителей клуба «Mutabor». Следующим этапом работы стало определение того, какой вид доверия способны формировать выявленные практики. Были изучены обоснования возникновения или отсутствия доверия. Они помогают сделать вывод, какие виды доверия формируются при совместном досуге в ночном клубе. Сначала опишем обоснования возникновения доверительного поведения, а затем делаем сопоставление практик и обоснований для подведения выводов о том, какое доверие способно формироваться при совместном досуге. Доверие и его виды изучались с помощью кейсов, т.е. просьбы рассказать о своей реакции на определенные ситуации.

Первым обоснованием наличия доверия выступает опыт общения. *Если я познакомился с человеком и общался с ним на протяжении нескольких часов, я думаю, я смог бы иметь представление и понимание, что это человек из себя представляет и полноценно осознать, могу ли я ему оставить сумку* (01А: 153–155). В процессе принятия решения о возможности довериться человеку происходит оценка предположений о возможных действиях, на основе этих предположений принимается решение. Схожим образом процесс возникновения доверия в личном взаимодействии описывал Штомпка (Sztompka 2001). Совместная деятельность при разделении общего досуга через приобретение опыта взаимодействия способствует межличностному доверию, что согласуется с предположением о том, что взаимодействие в процессе достижения общей цели при совместном досуге ведет к возникновению межличностного доверия (П.1).

Другим критерием наличия доверия признается интуиция. Информанты не могли эксплицитировать, почему они стали или не стали бы доверять человеку в ситуации. Они называли это интуитивным пониманием или обосновывали энергетикой, исходящей от человека. Такое проявление отсылает к идее Зиммеля о том, что вера в другого человека, выступающая одним из элементов доверия, носит нерациональный характер (Simmel 1950).

Нахождение «среди своих», единение с другими посетителями способствуют проявлениям доверительных установок. В некоторых из предложенных к рассмотрению ситуациях информанты доверились бы человеку в клубе, потому что они доверяют самому контингенту клуба «Mutabog», людям, которые там собираются.

И: То есть, в «Мутаборе» ты бы так сделала, а в других клубах — нет?

Е: Я не боюсь так делать в техноклубах, условно, потому что мне достаточно спокойно там находится, мне не страшно, в плане того, что со мной может что-то произойти...

И: А почему именно в техноклубах тебе комфортно?

Е: В «Мутаборе» и в любом техноклубе такого нет, потому что изначально это культура единения и никакой сегрегации там нет абсолютно: ни гендерной, ни расовой, ничего. И там we dance together we fight together. Поэтому ты чувствуешь себя спокойно, ты знаешь, что тебя не будут, что на тебя не смотрят, как на другую, и с тобой не хотят ничего сделать, как бы это safe space, you know (04Е: 192–207).

Если человек в основном посещает клуб в компании своих друзей и знакомых, то во время мероприятия она или он взаимодействует с ними, что ограничивает интеракции с другими ранее неизвестными посетителями клуба. Все общение, которое могло бы установить контакт с незнакомцем

и способствовать доверительному поведению, направлено на уже знакомых людей из сопровождающей компании. Можно отметить проявление bridging (соединяющей) и bonding (связующей) форм социального капитала (Putnam et al. 2000). Посетители, которые уже связаны сильными социальными связями своей компании, меньше вступают во взаимодействие с другими посетителями. Такие информанты не склонны проявлять доверие по отношению к другому посетителю клуба вне зависимости от наличия предварительного знакомства. Однако такие информанты больше подвержены феномену косвенного знакомства, и они готовы проявлять доверие по отношению к знакомым своим друзьям. *Да, если бы знал, либо видел этого человека, если бы я знал, что это знакомый моих знакомых, то да, согласился бы [выпить предложенную воду]. И это нормальная практика. А так именно от незнакомого человека, нет* (14Г: 226–228). Патнем описывал данный феномен, говоря о том, что социальные сети способствуют распространению доверия (Putnam et al. 1994). Возникает транзитивность доверия: я доверю тебе, а ты доверяешь ей, следовательно, я тоже доверю ей.

Состояние алкогольного опьянения играет двоякую роль в проявлениях доверия внутри ночного клуба. Человеку в состоянии сильного алкогольного опьянения, который не контролирует свои действия, посетители клуба «Mutabor» не доверяют. Однако информанты считают обязанностью помочь такому человеку, если ей или ему станет плохо. Помощь человеку в состоянии сильной алкогольной интоксикации — это распространенная практика совместного досуга, включающего употребление алкоголя (MacLean 2016). Такая практика обеспечивает распространение норм реципрокности и обеспечивается ими. Помощь считается общим делом, необходимостью поддержания комфортной и безопасной среды. Она во многих случаях основывается на наличии опыта, когда в похожей ситуации информанту также помогли незнакомые посетители. *Это общая база, в которой всем удобно. Она не должна быть колючей, потому что иначе она станет такой же колючей и для тебя тоже* (03Е: 259–260). Это раскрывает выдвинутое предположение о том, что во время заботы о людях в состоянии сильной алкогольной интоксикации при совместном досуге формируется доверие незнакомцам (II.IV). Ограниченность проявления этой практики группой людей, которые собираются в стенах клуба, говорит о том, что это проявление скорее внутригруппового, нежели обобщенного, доверия.

Комфортная среда и ее обеспечение самими посетителями, поддержание такого порядка проявляется и в других паттернах доверительного поведения. Информанты готовы угостить незнакомого человека выпивкой

или сигаретой, объясняя это гостеприимством и желанием поддержать дружественную атмосферу. Мне кажется, что еда, алкоголь — это как угощение, это как респект, как гостеприимство. Ну, конечно, если бы он был уже не трезв и попросил бы у меня третий суперсильный коктейль я бы сказала «воу-воу, может, тебе такси вызвать?» — и я бы ему вызвала такси. Но угостить алкоголем или чаем проблемы не вижу (06Е: 262–265). Если я познакомился с человеком и мы с ним общались и после этого естественным каким-то образом произошла ситуация, когда он попросил меня выпить купить ему, я бы купил, без вопросов. Даже не в долг, потому что поддержать хорошее настроение, и вообще, если есть возможность, почему бы не угостить человека (08А: 137–140). Кто-то может довести незнакомого человека до метро или, как уже было отмечено, оказать помощь незнакомцу, которому стало плохо. Во всех этих ситуациях действия направлены на других, незнакомых посетителей клуба «Mutabog» и основываются на нахождении в особой атмосфере, отдельном мире со своими нормами поведения, среди «своих людей». Эти модели поведения обусловлены наличием общности и желанием внести свой вклад в ее существование. Создание этой общности, поддержание норм ее функционирования — это общее дело посетителей клуба «Mutabog». Все это неоднократно сигнализирует о наличии внутригруппового доверия, в том числе по отношению к незнакомым посетителям клуба, основывающегося на общей идентичности. Чувство принадлежности к общности решает проблему коллективного действия — выработку социальных норм и совместное поддержание порядка внутри клуба. Доверие незнакомцам рассматривается как механизм эффективного решения проблемы коллективного действия как на внутригрупповом уровне (Остром 2019), так и среди всего общества в целом (Uslaner 2018). Наше исследование описывает и раскрывает первый процесс, показывая практики возникновения внутригруппового доверия, определяемого через общую идентичность.

Показательной в данном случае представляется история, рассказанная одним из информантов. В клубе «Mutabog» он нашел дорогой мобильный телефон и решил вернуть его владельцу. При ответе на вопрос, почему он решил так сделать, он сказал, что хотел поучаствовать в поддержании чувства общности. Однако его ожидания не оправдались, по его словам, он не получил благодарности от владельца. Норма реципрокности была нарушена, и информант отметил, что эта общность на самом деле не так сильна.

И: А если бы ты нашел айфон просто на улице, тоже бы вернул?

А: Это вопрос. Это, наверно, я не смогу сейчас. Это надо подумать. Если бы я нашел его на улице. Нет, тут, конечно, да — тут сыграло

то, что мне все-таки хотелось бы верить, что есть какое-то комьюнити [сообщество], хотя, безусловно, когда во всех обзорах, статьях и во всем эта общность преувеличена. Если вот так пишут статьи, что «тусовщики», то все равно общности такой нет. И мне просто немного захотелось сделать вклад в эту общность. Что все-таки, ну да. А насчет «если нашел на улице» — не знаю, как поступил бы (09А: 193–199).

То, как информанты обосновывали проявления своего доверия, дает возможность сделать вывод о том, какие виды доверия формируются в ночном клубе и как выявленные практики участвуют в их формировании.

Межличностное доверие — это доверие конкретному человеку, основывающееся на опыте общения с этим человеком. Описанные ситуативные практики непосредственного общения и взаимодействия формируют межличностное доверие посетителей ночного клуба «Mutabor». Это такие практики, как норма активного общения, косвенное знакомство между посетителями клуба, повторяемость интеракций и частые встречи на разных мероприятиях с одними людьми, участие в совместном действии (саспенсе) и другие практики, которые служат началу непосредственного взаимодействия между двумя посетителями клуба. Все они способствуют знакомству людей между собой и началу общения. В процессе такого общения приобретается опыт, который служит почвой для наличия или отсутствия межличностного доверия.

Практики, создающие чувство общности и подчеркивающие разделение общей идентичности внутри клуба «Mutabor», таким образом, участвуют в формировании внутригруппового доверия незнакомцам. Среди выявленных практик такими практиками служат фокус на общем интересе к музыке, создание отдельного мира и чувство ответственности за поддержание в этом мире комфорта и безопасности, взаимопомощь между посетителями. Они обеспечивают предрасположенность к незнакомым посетителям клуба и способствуют возникновению доверительного поведения в их отношении. *Феномен есть, например, если кто-то ко мне подойдет и попросит 500 рублей на улице — я не дам. Если кто-то подойдет в «Мутаборе» и попросит у меня денег, я скорее всего дам, просто это будет зависеть от того, какая у меня ситуация финансовая на данный момент. Потому что там есть ощущение «своих людей», они там собираются по интересам, а такие люди — это уже небольшая коммуна (12А: 321–325).*

Таким образом, во время совместной досуговой деятельности возникает как межличностное доверие, так и доверие незнакомым людям. Отвечая на вопрос, какое доверие способно формироваться в процессе совместной досуговой деятельности, можно заключить, что различные

по характеру практики одновременно способны формировать как межличностное доверие, так и доверие более широкому кругу незнакомых лиц. Однако возникшее доверие более широкому кругу направлено только на незнакомых посетителей клуба «Mutabog», на общность людей, объединяющихся в клубе для совместного досуга. Это внутригрупповое доверие посетителям клуба, основанное на разделении общей идентичности и возникновении сообщества. Такое доверие не выходит за пределы клуба. Оно исчезает за его границами вместе с разделяемыми в клубе нормами поведения, на которых базируется. Вне клуба уже нет той общности, которой индивид мог бы доверять, нет чувства единения с ними, а значит, нет возникающих проявлений доверия к незнакомцам. В повседневной жизни, «на улице», информанты не склонны демонстрировать то доверительное поведение в отношении незнакомцев или всех людей в целом, которому они следуют в клубе. Практики формирования доверия существуют и действуют только в стенах клуба, а возникшие в процессе совместного досуга нормы доверия в отношении незнакомцев не выходят за его пределы.

Ограничения исследования и обсуждение результатов

Работа имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при анализе полученных результатов. Первое важное ограничение состоит в невозможности определить причинно-следственную связь между феноменами, выделенными в исследовании. Насколько описанные практики выступают источниками формирования доверия, а не являются следствием уже имеющейся распространенности доверительных установок среди посетителей клуба? Многие практики возникают в самом моменте действия, и их наличие может быть обусловлено уже сформированным доверительным поведением. Тем не менее, даже если практики базируются на уже имеющемся доверии, в исследовании было выявлено, что они функционально способны и распространять, и формировать его. Например, если норма активного общения основывается на том, что посетители уже доверяют друг другу по другим причинам, то в процессе самого активного общения доверие также формируется и распространяется далее.

Выбор ночного клуба в качестве примера досуговой организации сужает возможности перенесения результатов исследования на другие досуговые учреждения. Аудитория ночных клубов и рассматриваемого клуба «Mutabog» имеет определенную социально-демографическую специфику. Ночной клуб как досуговая организация привлекает более молодую часть населения, при этом накладывая ограничения и на минимальный

возраст. Большая часть информантов исследования — представители 20–30-летнего возрастного промежутка.

Процесс сбора интервью накладывает несколько ограничений. Во-первых, на предложение к участию в интервью откликнулись расположенные к общению люди, что могло повлиять на сформированный нарратив в отношении расположенности к общению посетителей клуба «Mutabor». Во-вторых, в силу формализации процесса интервью и предупреждения информантов о его записи на диктофон информанты могли демонстрировать социально приемлемые ответы, исключая из разговора опыт девиантного поведения в клубе.

Исследование не претендует на описание универсальных механизмов и практик формирования доверия через совместный досуг. Тем не менее наличие некоторых из выявленных практик можно предполагать как и в других ночных клубах, так и в более широком контексте других досуговых организаций. Создание особого пространства и связанного с ним чувства обособленного мира и расширения возможности участия в совместном акте взаимодействия («саспенсе») выступает отличительной чертой выбранного для рассмотрения клуба и представляются уникальной практикой формирования доверия в процессе совместного досуга в клубе «Mutabor». Наличие практики непосредственного прямого взаимодействия как активного общения и косвенного знакомства, т. е. повторяемость встреч с одними и тем же незнакомыми людьми на разных мероприятиях, можно предположить и в других клубах, так как в интервью была отмечена их характерность не только для рассматриваемого клуба, но и для московской клубной культуры в целом. Проявление формирующих внутригрупповое доверие практик, которые создают чувство общности на основе разделяемых целей и интересов, а также отвечающих за производство правил поведения и самостоятельное поддержание сложившегося социального порядка в стенах клуба, можно проследить и в других досуговых организациях. В рамках досуга происходит объединение людей со схожими целями и интересами. Это рассматривается как универсальная черта досуговых организаций, следовательно, выявленные в нашей работе практики формирования доверия, можно считать общими для разных форм досуга.

Заключение

В экономически развитых странах существует множество организаций, предлагающих разнообразие форм досуга. Ночной досуг, обеспечивающийся функционирующими в ночное время заведениями, выступает одной из таких форм. И в то время как во многих странах подобный вид досуга начинает институционализироваться и занимать свою нишу в об-

щественно-экономическом развитии, в России ночной досуг воспринимается как источник девиантного поведения, что ведет к закрытию многих учреждений. Актуализируя внимание к ночной жизни, мы рассмотрели процесс формирования доверия при совместном досуге в популярном ночном клубе российской столицы «Mutabor».

Сам феномен доверия представляется сложным для эмпирического изучения. Обнаруживается ряд проблем, затрудняющих работу исследователя: многомерность проявлений доверия, латентность феномена как неформальной нормы, диффузия доверия с родственными явлениями. Для решения этих проблем предлагается методология изучения доверия через анализ поведения индивида в конкретной ситуации (situation-specific behaviour), в которой задан референт доверительного поведения, контекст ситуации и набор возможных действий актора. Работа использует данный подход. Это позволяет изучить проявление доверия в конкретных ситуациях, а также механизмы его обоснования и практики возникновения. При описании своих реакций на предложенные ситуации участники исследования, используя термин доверия, раскрывали источники его возникновения в их поведении.

Итак, представленное исследование изучало практики формирования межличностного доверия, основанного на общей идентичности, и обобщенного доверия через совместный досуг на примере московского ночного клуба «Mutabor» с целью выявить указанные практики. На основе четырнадцати полужурналистских интервью с посетителями ночного клуба «Mutabor» был описан спектр практик, способствующих формированию межличностного и внутригруппового доверия, основанного на общей идентичности, при совместном досуге в ночном клубе. Выявленные практики взаимосвязаны друг с другом и представляются скорее структурой, нежели отдельно взятыми элементами. Исследование показывает, что доверие формируется как в непосредственном взаимодействии индивидов, так и под воздействием надындивидуальных феноменов. Делая вклад в дискуссию о том, какое доверие способно формироваться в процессе совместного досуга, проведенное исследование привносит идею о том, что разные механизмы, существующие в процессе совместного досуга, способны одновременно формировать разные виды доверия. Совместный досуг, таким образом, способствует возникновению нескольких видов доверия.

Ситуативные практики непосредственного взаимодействия между посетителями представляются источниками формирования межличностного доверия. Посетители ночного клуба «Mutabor» активно знакомятся и общаются друг с другом, получая опыт взаимодействия, на который

опираются в случае возникновения ситуации, требующей доверительного поведения. Был выявлен также феномен, способствующий транзитивности межличностного доверия. Посетители клуба «Mutabor» зачастую косвенно знакомы, так как в клубе образовывается сообщество с плотными социальными связями. При этом посетитель клуба может начать доверять незнакомцу, потому что она или он оказывается знакомым ее или его знакомому: А доверяет С, потому что В доверяет С, а А доверяет В.

Кроме практик формирования межличностного доверия работа выявила ряд практик, обладающих возможностью формировать внутригрупповое доверие на основе разделяемой идентичности. Такие практики формируют нормы поведения в клубе, включая нормы доверительного поведения по отношению к незнакомым посетителям. В клубе создается обособленный от внешнего материальный и социальный мир, в котором начинают действовать свои нормы поведения. Создание отдельного материального мира обеспечивается территорией клуба «Mutabor». На создание иного социального мира воздействуют как условия материального мира, так и консолидация в клубе людей по интересам. Общность интересов и целей посетителей создает внутри клуба сообщество. Ключевым объединяющим фактором выступает схожесть предпочтений в музыке. При этом посетители могут демонстрировать доверительное поведение в отношении незнакомых посетителей клуба, поскольку они доверяют им как представителям собравшегося в клубе сообщества. Общность интересов и целей, наряду с отсутствием барьеров в общении, создает в клубе атмосферу единения и стирает социальные границы между посетителями. Все это способствует тому, что посетители воспринимают поддержание порядка в клубе как общее дело и эффективно справляются с решением проблемы коллективного действия за счет неформальных норм, что демонстрирует функционирование механизма внутригруппового доверия незнакомцам.

Описанные нормы поведения по отношению к незнакомцам проявляются только в отношении незнакомых посетителей клуба «Mutabor» и не выходят за его территорию в повседневную жизнь. Таким образом, отвечая на вопрос о том, какое доверие способно формироваться через совместный досуг, можно отметить возникновение межличностного доверия и доверия группе, с которой человек себя ассоциирует в рамках принадлежности к досуговой организации, т.е. в рамках внутригруппового доверия. Возникновение обобщенного доверия как доверия всем людям в целом не нашло отражения в исследовании. Это соотносится с результатами, полученными другими исследователями (Zmerli, Newton 2007),

и ставит под вопрос правильность анализа коллективного досуга как источника обобщенного доверия.

Потенциалом для дальнейшего изучения доверия, а также его формирования при совместном досуге представляется продвижение в нескольких направлениях.

Методологически представляется перспективной методика непрямого изучения доверия через рассмотрение действий и реакций индивида в конкретных ситуациях. Изменение параметров ситуации позволяет изучить различные проявления доверия, а также источники их возникновения.

На теоретическом уровне необходимо провести четкое разграничение трех видов доверия: межличностного, внутригруппового и обобщенного. В связи с тем, что при совместном досуге формируется доверие конкретной группе, которая объединяется в рамках досуговой организации, открытым остается вопрос о его функциональной роли в общественно-экономических процессах, а также о его взаимодействии с обобщенным доверием. Учитывая, что многие предыдущие исследования изучали доверие, сформированное в рамках досуговой организации, как обобщенное доверие и обозначали его связь с экономическим ростом, необходимо понять, какую роль может играть доверие определенной группе, формирующееся при совместном досуге.

Благодарности

Автор благодарит сотрудника Международного центра изучения институтов и развития НИУ ВШЭ Антона Павловича Казуна за помощь в разработке темы и научное руководство, преподавателя кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ ВШЭ Олега Алексеевича Оберемко за рекомендации по проведению анализа эмпирических данных, а также анонимного рецензента «Журнала социологии и социальной антропологии» за замечания, которые помогли существенно улучшить результаты исследования.

Литература

Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. (2016) *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности*. Пер. с англ. Н. М. Автономовой. СПб.: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

Бэнфилд Э. (2019) *Моральные основы отсталого общества*. Пер. с англ. М.: Новое издательство.

Кученкова А. (2016) Межличностное доверие в российском обществе. *Социологические исследования*, 1: 26–36.

Остром Э. (2019) *Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности*. Пер. с англ. М.: ИРИСЭН, Социум.

Шюц А. (2019) О множественности реальностей. Пер. с англ. А.М. Корбута. *Социологическое обозрение*, 3(2): 3–34.

Baggetta M. (2009) Civic opportunities in associations: Interpersonal interaction, governance experience and institutional relationships. *Social Forces*, 88(1): 175–199.

Bauer P., Freitag M. (2018) Measuring trust. In: *The Oxford handbook of social and political trust*. Oxford: Oxford University Press, 15–36.

Bjørnskov C. (2006) Determinants of generalized trust: A cross-country comparison. *Public choice*, 130(1–2): 1–21.

Coleman J. (1988) Social capital in the creation of human capital. *American journal of sociology*, 94: S95–S120.

Delhey J., Newton K., Welzel C. (2011) How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem. *American Sociological Review*, 76(5): 786–807.

Flyvbjerg B. (2006) Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative inquiry*, 12(2): 219–245.

Freitag M., Bauer P. (2013) Testing for measurement equivalence in surveys: Dimensions of social trust across cultural contexts. *Public opinion quarterly*, 77(S1): 24–44.

Fukuyama F. (1995) *Trust: The social virtues and the creation of prosperity*. N.Y.: Free Press.

Gelderblom D. (2018) The limits to bridging social capital: Power, social context and the theory of Robert Putnam. *The Sociological Review*, 66(6): 1309–1324.

Glaeser E., Laibson D., Scheinkman J., Soutter C. (2000) Measuring trust. *The quarterly journal of economics*, 115(3): 811–846.

Glanville J., Shi Q. (2020) The Extension of Particularized Trust to Generalized and Out-Group Trust: The Constraining Role of Collectivism. *Social Forces*, 98(4): 1801–1828.

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2006) Does culture affect economic outcomes? *Journal of Economic perspectives*, 20(2): 23–48.

Gundelach B. (2014) In diversity we trust: The positive effect of ethnic diversity on outgroup trust. *Political Behavior*, 36(1): 125–142.

Houser D., Schunk D., Winter J. (2010) Distinguishing trust from risk: An anatomy of the investment game. *Journal of economic behavior & organization*, 74(1–2): 72–81.

Inglehart R. et al. (1998) *Human values and beliefs: A cross-cultural sourcebook*. Michigan: University of Michigan Press.

Knack S., Keefer P. (1997) Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *The Quarterly journal of economics*, 112(4): 1251–1288.

Kumlin S., Rothstein B. (2005) Making and breaking social capital: The impact of welfare-state institutions. *Comparative political studies*, 38(4): 339–365.

Levitt S., List J. (2007) What do laboratory experiments measuring social preferences reveal about the real world? *Journal of Economic perspectives*, 21(2): 153–174.

Luhmann N. (2012) *Theory of Society*. Vol. 1. Redwood City, CA.: Stanford University Press.

Luhmann N. (2018) *Trust and power*. New Jersey: John Wiley & Sons.

MacLean S. (2016) Alcohol and the constitution of friendship for young adults. *Sociology*, 50(1): 93–108.

Macy M., Skvoretz J. (1998) The evolution of trust and cooperation between strangers: A computational model. *American Sociological Review*, 63(5): 638–660.

Möllering G. (2001) The nature of trust: From Georg Simmel to a theory of expectation, interpretation and suspension. *Sociology*, 35(2): 403–420.

Morgner C. (2018) Trust and Society: Suggestions for Further Development of Niklas Luhmann's Theory of Trust. *Canadian Review of Sociology*, 55(2): 232–256.

Newton K., Stolle D., Zmerli S. (2018) Social and political trust. In: *The Oxford handbook of social and political trust*. Oxford: Oxford University Press, 37–56.

Nguyen G., Dejean S., Jullien N. (2018) Do open online projects create social norms? *Journal of Institutional Economics*, 14(1): 45–70.

Ostrom E. (1996) Incentives, rules of the game, and development. In: Bruno M. (ed.) *Annual World Bank Conference on Development Economics*. Washington, DC: World Bank, 207–234.

Patulny R. (2004) *Social capital norms, networks and practices: A critical evaluation*. Sydney: Social Policy Research Centre.

Patulny R., Svendsen G. (2007) Exploring the social capital grid: bonding, bridging, qualitative, quantitative. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 27(1–2): 32–51.

Paxton P. (2007) Association memberships and generalized trust: A multilevel model across 31 countries. *Social Forces*, 86(1): 47–76.

Paxton P., Ressler R. (2018) Trust and participation in associations. In: *The Oxford handbook of social and political trust*. Oxford: Oxford University Press, 149–174.

Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. (1994) *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. New Jersey: Princeton University Press.

Putnam R. et al. (2000) *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. N.Y.: Simon & Schuster.

Putnam R. (1995) Tuning in, tuning out: The strange disappearance of social capital in America. *PS: Political science & politics*, 28(4): 664–683.

Seijas A., Gelders M. (2020) Governing the night-time city: The rise of night mayors as a new form of urban governance after dark. *Urban Studies* (Early Access).

- Simmel G. (1910) How is society possible? *American Journal of Sociology*, 16(3): 372–391.
- Simmel G. (2004) *The Philosophy of Money*. 3rd ed. L.: Routledge.
- Simmel G. (1950) *The sociology of Georg Simmel*. N.Y.: Free Press.
- Simpson B., Willer R. (2015) Beyond altruism: Sociological foundations of cooperation and prosocial behavior. *Annual Review of Sociology*, 41: 43–63.
- Stolle D., Rochon T. (2001) *Are all associations alike? Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective*. Medford; Somerville: Tufts University Press.
- Sztompka P. (2003) *Trust: A sociological theory*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tabellini G. (2010) Culture and institutions: economic development in the regions of Europe. *Journal of the European Economic Association*, 8(4): 677–716.
- Tarabar D. (2019) Does national culture change as countries develop? Evidence from generational cleavages. *Journal of Institutional Economics*, 15(3): 397–412.
- Uslaner E. (2002) *The moral foundations of trust*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Uslaner E. (2018) The Study of Trust. In: *The Oxford handbook of social and political trust*. Oxford: Oxford University Press, 3–14.
- Van Hoorn A. (2014) Trust radius versus trust level: Radius of trust as a distinct trust construct. *American Sociological Review*, 79(6): 1256–1259.
- Van Liempt I., Van Aalst I., Schwanen T. (2015) Introduction: Geographies of the urban night. *Urban Studies*, 52(3): 407–421.
- Verba S., Nie N.H. (1972) *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. N.Y.: Harper & Row.
- Vermeulen F., Tillie J., Van de Walle R. (2012) Different effects of ethnic diversity on social capital: Density of foundations and leisure associations in Amsterdam neighborhoods. *Urban Studies*, 49(2): 337–352.
- Voigt S. (2018) How to measure informal institutions. *Journal of Institutional Economics*, 14(1): 1–22.
- Zmerli S., Newton K. (2007) Networking among voluntary associations: Segmented or integrated? In: *Social Capital and Associations in European Democracies: A Comparative Analysis*. London: Routledge.

Источники

- Акишин А. (2016) Мировой опыт: как появились ночные мэры? *Strelka Mag* [<https://strelkamag.com/ru/article/world-experience>] (дата обращения: 18.05.2020).
- Андреева А. (2016) Клуб «НИИ» сообщил, что оказался на грани закрытия. *The Village* [<https://www.the-village.ru/village/city/public-space/232633-nii>] (дата обращения: 18.05.2020).

Левченко Л. (2017) Клуб «Рабица» закрылся. *The Village* [<https://www.the-village.ru/village/city/news-city/279780-rabitsa>] (дата обращения: 18.05.2020).

Мионов Ф. (2019) «Симачев» как предчувствие. В Москве закрывается культовый бар. *Сноб* [<https://snob.ru/entry/173493/>] (дата обращения: 20.05.2020).

Рузманова Ю. (2019) Главное открытие года — Mutabor: «Вписок не будет». *The Village* [<https://www.the-village.ru/village/weekend/new-weekend/349793-mutabor>] (дата обращения: 18.05.2020).

Яблонский П. (2019) Клуб «Плутон» закрывается. *The Village* [<https://www.the-village.ru/village/weekend/wknd-news/350261-pluton-over>] (дата обращения: 18.05.2020).

Henley J. (2016) The stuff of night mayors: Amsterdam pioneers new way to run cities after dark. *The Guardian: daily newspaper* [<https://www.theguardian.com/cities/2016/mar/21/night-mayor-amsterdam-holland-mirik-milan-night-time-commission>] (дата обращения: 18.05.2020).

Список информантов

Информант 01А (муж., 26 лет, неполное высшее)

Информант 02А (муж., 23 лет, среднее профессиональное)

Информант 03Е (жен., 40 лет, высшее)

Информант 04Е (жен., 21 лет, неполное высшее)

Информант 05Е (жен., 21 лет, высшее)

Информант 06Е (жен., 35 лет, высшее)

Информант 07Р (жен., 29 лет)

Информант 08А (муж., 28 лет, высшее)

Информант 09А (муж., 27 лет, высшее)

Информант 10Н (муж., 24 лет, неполное высшее)

Информант 11И (жен., 22 лет, высшее)

Информант 12А (жен., 29 лет,)

Информант 13Н (жен., 26 лет, высшее)

Информант 14Г (муж., 26 лет, высшее)

THE PRACTICES OF FORMING TRUST IN THE PROCESS OF JOINT LEISURE ACTIVITIES USING THE EXAMPLE OF MOSCOW NIGHT CLUB MUTABOR

Maria Vorobeva (mvorobeva@hse.ru)

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Citation: Vorobeva M. (2020) Praktiki formirovaniya doveriya cherez sovmestnyy dosug (na primere moskovskogo nochnogo kluba «Mutabor») [The practices of forming trust in the process of joint leisure activities using the example of Moscow night club Mutabor]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(5): 103–134 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.4>

Abstract. Contemporary Russia has a low level of trust. Collective leisure can shape trusting behavior. There is a variety of leisure activities, including nightlife — places that work after midnight. Although such places are often associated with deviant behavior, in many European cities nighttime leisure begins to institutionalize. At the same time, nightclubs in the capital of Russia continue to close. Following the wave of attention to nightlife, the paper explores displays of trust in the Moscow nightclub “Mutabor”. The variety of trust generates a discussion about what kind of trust appears during joint leisure. The study works with three types: interpersonal, in-group, and generalized trust, seeking to find which type can appear during joint leisure in a nightclub. Trust seems to be difficult for empirical study. The work uses the method of indirect trust detection, which is proposed to solve problems of trust exploration. On the materials of 14 semi-formalized interviews with visitors of the “Mutabor” club, the practices of trust formation during joint leisure are described. Practices that arise during collective leisure are capable of simultaneously forming multiple types of trust. Practices of direct interaction can shape interpersonal trust between club visitors. Other practices creating a sense of community between visitors are able to form an in-group trust. They solve the problem of collective action within the boundaries of the night club. However, the revealed trust towards strangers is applied only to the audience of the night club and do not go beyond, spreading to the outside world. A generalized trust as trust to all people in general does not appear due to practices of trust forming during joint leisure in a nightclub.

Keywords: interpersonal trust, in-group trust, generalized trust, collective action, indirect trust detection, nightlife, leisure.

References

Begelsdijk S., Maseland R. (2016) *Kul'tura v ekonomicheskoy nauke: istoriya, metodologicheskiye rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti* [Culture in economics: history, methodological reasoning and areas of practical application in modern times]. Transl. N.M. Avtonomova. St. Petersburg: Gaidar Institute

Publishing House; Publishing house “International Relations”; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University (in Russian).

Baggetta M. (2009) Civic opportunities in associations: Interpersonal interaction, governance experience and institutional relationships. *Social Forces*, 88(1): 175–199.

Banfield E. (2019) *Moral'nyye osnovy otstalogo obshchestva* [The Moral Basis of a Backward Society]. Moscow: New publishing house (in Russian).

Bauer P., Freitag M. (2018) Measuring trust. In: *The Oxford handbook of social and political trust*. Oxford: Oxford University Press: 15–36.

Bjørnskov C. (2006) Determinants of generalized trust: A cross-country comparison. *Public choice*, 130(1–2): 1–21.

Coleman J. (1988) Social capital in the creation of human capital. *American journal of sociology*, 94: S95–S120.

Delhey J., Newton K., Welzel C. (2011) How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem. *American Sociological Review*, 76(5): 786–807.

Flyvbjerg B. (2006) Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative inquiry*, 12(2): 219–245.

Freitag M., Bauer P. (2013) Testing for measurement equivalence in surveys: Dimensions of social trust across cultural contexts. *Public opinion quarterly*, 77(S1): 24–44.

Fukuyama F. (1995) *Trust: The social virtues and the creation of prosperity*. New York: Free Press.

Gelderblom D. (2018) The limits to bridging social capital: Power, social context and the theory of Robert Putnam. *The Sociological Review*, 66(6): 1309–1324.

Glaeser E., Laibson D., Scheinkman J., Soutter C. (2000) Measuring trust. *The Quarterly Journal of Economics*, 115(3): 811–846.

Glanville J., Shi Q. (2020) The Extension of Particularized Trust to Generalized and Out-Group Trust: The Constraining Role of Collectivism. *Social Forces*, 98(4): 1801–1828.

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2006) Does culture affect economic outcomes? *Journal of Economic perspectives*, 20(2): 23–48.

Gundelach B. (2014) In diversity we trust: The positive effect of ethnic diversity on outgroup trust. *Political Behavior*, 36(1): 125–142.

Houser D., Schunk D., Winter J. (2010) Distinguishing trust from risk: An anatomy of the investment game. *Journal of economic behavior & organization*, 74(1–2): 72–81.

Inglehart R. et al. (1998) *Human values and beliefs: A cross-cultural sourcebook*. Michigan: University of Michigan Press.

Knack S., Keefer P. (1997) Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *The Quarterly Journal of Economics*, 112(4): 1251–1288.

Kuchenkova A. (2016) *Mezhlichnostnoye doveriye v rossiyskom obshchestve* [Interpersonal Trust in Russian Society]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 1: 26–36 (in Russian).

Kumlin S., Rothstein B. (2005) Making and breaking social capital: The impact of welfare-state institutions. *Comparative political studies*, 38(4): 339–365.

Levitt S., List J. (2007) What do laboratory experiments measuring social preferences reveal about the real world? *Journal of Economic perspectives*, 21(2): 153–174.

- Luhmann N. (2012) *Theory of Society*. Vol. 1. Redwood City, CA.: Stanford University Press.
- Luhmann N. (2018) *Trust and power*. New Jersey: John Wiley & Sons.
- MacLean S. (2016) Alcohol and the constitution of friendship for young adults. *Sociology*, 50(1): 93–108.
- Macy M., Skvoretz J. (1998) The evolution of trust and cooperation between strangers: A computational model. *American Sociological Review*, 63(5): 638–660.
- Möllering G. (2001) The nature of trust: From Georg Simmel to a theory of expectation, interpretation and suspension. *Sociology*, 35(2): 403–420.
- Morgner C. (2018) Trust and Society: Suggestions for Further Development of Niklas Luhmann's Theory of Trust. *Canadian Review of Sociology*, 55(2): 232–256.
- Newton K., Stolle D., Zmerli S. (2018) Social and political trust. In: *The Oxford handbook of social and political trust*. Oxford: Oxford University Press, 37–56.
- Nguyen G., Dejean S., Jullien N. (2018) Do open online projects create social norms? *Journal of Institutional Economics*, 14(1): 45–70.
- Ostrom E. (1996) Incentives, rules of the game, and development. *Annual World Bank Conference on Development Economics*. M. Bruno (ed.). Washington, DC: World Bank, 207–234.
- Ostrom E. (2019) *Upravlyaya obshchim: evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatel'nosti*. [Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action]. Moscow: IRISEN; Socium (in Russian).
- Patulny R. (2004) *Social capital norms, networks and practices: A critical evaluation*. Sydney: Social Policy Research Centre.
- Patulny R., Svendsen G. (2007) Exploring the social capital grid: bonding, bridging, qualitative, quantitative. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 27(1–2): 32–51.
- Paxton P. (2007) Association memberships and generalized trust: A multilevel model across 31 countries. *Social Forces*, 86(1): 47–76.
- Paxton P., Ressler R. (2018) Trust and participation in associations. In: *The Oxford handbook of social and political trust*. Oxford: Oxford University Press: 149–174.
- Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. (1994) *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. New Jersey: Princeton University Press.
- Putnam R. (1995) Tuning in, tuning out: The strange disappearance of social capital in America. *PS: Political science & politics*, 28(4): 664–683.
- Putnam R. et al. (2000) *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster.
- Schutz A. (2019) O mnozhestvennosti real'nostey [On multiple realities]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 3(2): 3–34 (in Russian).
- Seijas A., Gelders M. (2020) Governing the night-time city: The rise of night mayors as a new form of urban governance after dark. *Urban Studies* (Early Access).
- Simmel G. (1910) How is society possible? *American Journal of Sociology*, 16(3): 372–391.
- Simmel G. (1950) *The sociology of Georg Simmel*. New York: Free Press.
- Simmel G. (2004) *The Philosophy of Money*. 3rd ed. London: Routledge.
- Simpson B., Willer L. (2015) Beyond altruism: Sociological foundations of cooperation and prosocial behavior. *Annual Review of Sociology*, 41: 43–63.

Stolle D., Rochon T. (2001) *Are all associations alike? Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective*. Medford; Somerville: Tufts University Press.

Sztompka P. (2003) *Trust: A sociological theory*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Tabellini G. (2010) Culture and institutions: economic development in the regions of Europe. *Journal of the European Economic Association*, 8(4): 677–716.

Tarabar D. (2019) Does national culture change as countries develop? Evidence from generational cleavages. *Journal of Institutional Economics*, 15(3): 397–412.

Uslaner E. (2002) *The moral foundations of trust*. Cambridge: Cambridge University Press.

Uslaner E. (2018) *The Study of Trust*. The Oxford handbook of social and political trust. Oxford: Oxford University Press, 3–14.

Van Hoorn A. (2014) Trust radius versus trust level: Radius of trust as a distinct trust construct. *American Sociological Review*, 79(6): 1256–1259.

Van Liempt I., Van Aalst I., Schwanen T. (2015) Introduction: Geographies of the urban night. *Urban Studies*, 52(3): 407–421.

Verba, S., Nie N. H. (1972) *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. New York: Harper & Row.

Vermeulen F., Tillie J., Van de Walle R. (2012) Different effects of ethnic diversity on social capital: Density of foundations and leisure associations in Amsterdam neighborhoods. *Urban Studies*, 49(2): 337–352.

Voigt S. (2018) How to measure informal institutions. *Journal of Institutional Economics*, 14(1): 1–22.

Zmerli S., Newton K. (2007) Networking among voluntary associations: Segmented or integrated? *Social Capital and Associations in European Democracies: A Comparative Analysis*. London: Routledge.